

Владимир БАБЕНКО

Николай
ОЛЯЛИН

ОЧЕРКИ

К 1287034

Сыктывкар
ТОО «ПАС»
1998

**Книжная
серия
«Кооперайт»**

Из интервью Вологодскому областному радио, 1996, январь.

Корреспондент: Вы исследуете творчество нашего земляка, очень известного актера, кинематографиста Николая Олялина. Несколько слов об этом.

В. Бабенко: Я занялся этим, потому что пишу стихи о любви, рассказы о любви; и вот решил написать все-таки о человеке, вообще серию о людях. И первый — Николай Владимирович Олялин. Для этого я просмотрел журналы «Советский экран» и «Искусство кино» за тридцать лет. Насобираю около ста сорока книжных страниц.

Корр.: Это же была, наверное, огромная работа?

В. Б.: Да, это была огромная работа. Ушло месяца три. Естественно, мне помогали, не один я, конечно. Можно все это перелопатить и мгновенно выпустить книжку, но я пошел другим путем. Сейчас вот побывал у Капитолины Ильиничны Павловой, которая его впервые в драмкружок ввела, дала главную роль. У его учителей — Чизловой Таисии Павловны, у Елены Федоровны Воробьевой, у других.

Корр.: Собираете воспоминания?

В. Б.: Да, собираю. Мне хочется, чтобы это живее было. Естественно, начинается переписка с киноактерами, с которыми он снимался.

Корр.: Скажите, пожалуйста, сколько у вас примерно уйдет времени на то, чтобы это все подготовить и, будем надеяться, выпустить эту книгу?

В. Б.: Я думаю, что не надо дожидаться полного издания. Можно сделать определенную часть, издать книгу, а затем, лет через пять, когда накопятся еще материалы, — еще издать. Так издавали в девятнадцатом веке.

Корр.: Такие вот переиздания с добавлением информации.

В. Б.: Да.

Корр.: Ну что же, надеюсь у вас все будет хорошо, и вы выпустите книгу.

Красноярский театр юного зрителя

Из чего складывается история любого театра? Конечно, из репетиций, гастрольных поездок по стране, многочисленных встреч со зрителями. Но прежде всего из спектаклей, потому что в них аккумулируются усилия всего коллектива — режиссеров, художников, актеров, десятков работников технических служб театра.

Театральным работникам есть в чем позавидовать деятелям других видов искусства. Итогом многолетнего труда писателя является книга. Она живет сотни лет. Художник оставляет после себя картины. Придя в концертный зал, мы слушаем музыку, написанную много веков назад. Кинематограф на пленке запечатлевает работу режиссеров, художников, актеров.

И только театр незащищен перед неумолимым движением времени. Коротка жизнь спектакля. Через несколько лет после премьеры спектакль снимается с репертуара, перестает существовать. Что остается после него? Афиши, программки, газетные и журнальные рецензии, фотоснимки. А еще — человеческая память, что хранит воспоминания о них.

Итак, как же все начиналось?

1964 год. Весна. Красноярский крайком КПСС и крайисполком принимают решение о создании в Красноярске театра юного зрителя. Весть об этом тут же облетела Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии имени А. Н. Островского. Через несколько дней в помещении учебного театра института прошел просмотр молодых актеров, изъявивших желание поехать в Красноярск. А их было немало.

Вскоре в восьмой аудитории института при закрытых дверях состоялось собрание «красноярцев». Обсуждался один вопрос: каким быть театру? Решили, что театр должен быть современным, комсомольским, романтическим, содержательным и бескомпромиссным.

Вспоминает артист Ю. Затравкин: «Вначале была дорога. Десятилетка, институт — все это предыстория к дороге. Диплом в кармане. Мы едем в Красноярск. Поплакали наши мамы на вокзале.

Четыре дня едем на восток. В вагоне — разговоры, споры о репертуаре, откровения о том, что каждый хочет сыграть.

Первое, чему я поразился в Красноярске, — обилие молодых лиц. Вот они — наши зрители. Дело за нами: создать театр!»

На встрече в Доме журналистов главный режиссер театра В. Галашин сказал: «Главное для нас сейчас — не столько

поставить тот или иной спектакль, сколько открыть театр. Театр со своим лицом. Мы намерены сделать отличительной чертой репертуара проблемные, актуальные пьесы о жизни молодого современника».

В течение первого сезона театром было поставлено десять спектаклей. Среди них сказка К. Гоцци «Ворон», «Моя старшая сестра» А. Володина, «Океан» А. Штейна, «104 страницы про любовь» Э. Радзинского, «Вор в раю» Э. де Филиппо, «Мой бедный Марат» А. Арбузова...

После спектакля «Моя старшая сестра» и газеты, и зрители заговорили о Ларисе Малеванной. Пленяла она зрителей и в роли простой итальянской девушки Нинуччи в спектакле «Вор в раю», а вот всесоюзное признание принесли роли — Лиза Кречмер в «Пассажирке», Жанна д'Арк в «Жаворонке», Марютка в «Сильнее любви» («Сорок первый»).

В апреле 1965 года театр возглавил выпускник Ленинградского института И. Штокбант.

На гастролях в Орле во время спектакля «Бригантина» по пьесе Коростылева в кабинете главного режиссера собрались члены худсовета. И. Штокбант, начиная худсовет, сообщил:

— Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам неприятнейшее известие: мы начинаем ставить «Ревизора».

— Как «Ревизора»? — воскликнул Г. Турчин, будущий Земляника.

— Вот те на, — проговорил Тяпкин-Ляпкин — Л. Беловольский.

— Зачем же, отчего это? — растерянно произнес Ю. За-
травкин, еще не зная, что именно ему предстоит сыграть Хле-
стакова.

Как видите, реакция актеров на предложение главного режиссера была примерно такой же, как и у гоголевских персонажей. Но спектакль поставили, и он имел успех.

А вот особый успех в этом спектакле выпал на долю Николая Олялина. Здесь он сыграл полицейского Свистунова.

Вот что писала ленинградская газета «Смена»: «А какой в спектакле Свистунов! Мизерная роль, но у Н. Олялина эта фигура полицейского, вытянувшаяся в ретивой готовности мгновенно исполнить то, на что он единственно способен, — употребить силу, — этот страшный и нелепый механизм в человеческом облике, эта кукла с идиотичной физиономией и заводными руками-кулаками становится едва ли не самой символической фигурой в спектакле».

В Красноярском театре юного зрителя стала «звездой» Лариса Малеванная. Николай Олялин стал просто актером. Почему?

В газете «Красноярский комсомолец» от 11 декабря 1984 года в материале, посвященном 20-летию театра, автор статьи — заведующий литературной частью театра Н. Кавин и корреспондент газеты И. Семенюта пишут: «Наверное, в силу своего мягкого характера, «закрытого», как говорят в театре, темперамента. На репетициях скромно сидел в стороне, внимательно следил, как работают товарищи, или думал о чем-то своем. Не было у него ярких, сценических образов, о которых бы вздох писали журналисты, но к порученным ролям относился честно, добросовестно. А ролей им было сыграно немало: король Милон в «Вороне», Гальперин в «104 страницах про любовь», Эрих Рогге в «Бумеранге», матрос Судьба в «Патетической сонате», декабрист Якубович в «Глотке свободы», Иван Коломийцев в «Последних» А. М. Горького, Ла Ир в «Жаворонке».

Далее авторы отмечают Олялина в роли Свистунова («Ревизор»), но об этом я уже привел точку зрения ленинградской газеты.

Ясно, что Красноярский театр юного зрителя для Николая Олялина стал продолжением учебы, оттачиванием мастерства и пробой играть разные роли. В театре он продолжал формироваться как личность и... мечтать о кинематографе.

Так прошло пять лет.

Записки не киноактера

1.

На Вологодском мясокомбинате, где я работаю в должности ветеринарного врача, имеется стол заказов. В нем работники мясокомбината могут купить продукты по дешевле. Вот здесь я впервые и увидел Николая Владимировича Олялина. К кассе шел человек с косичкой, с небольшой бородкой, морщинистым лицом. Честно сказать, не признал я любимого актера. Мне сказали: «Это Олялин». А я подумал: как изменился он по сравнению с тем, как выглядел в фильме «Освобождение»! Именно по этому фильму я и запомнил Николая Олялина.

2.

Второй раз я увидел Николая Владимировича на центральной площади Вологды. Подойдя к нему протянул в подарок свою книжечку стихов «Из семейного альбома». Олялин взял меня под руку и фактически потащил в свою «резиденцию» (около Дворца бракосочетания), говоря о том, что я ему нужен для съемок в кино. Я же отвечал ему, что я ветеринарный врач, журналист, кадровик, учитель, «стихоплет», и что мне еще не хватало сниматься

в кино. А когда я сказал, что еще и курсы массажистов закончил, он (наверное, шутя) произнес: «Поехали, одной даме сделаем массаж, разложим прямо на столе».

Уже в кабинете достал я другую свою поэтическую книжечку — «Стансы». Стал подписывать, а имя и отчество, к своему стыду, не мог вспомнить. Подписал так: «Любимому киноактеру Олялину от поэта Бабенко». Потом повел он меня в соседний кабинет и сидящей там девушке велел, чтобы она записала мою фамилию в книгу, куда заносили приглашенных на пробы для съемок фильма «Царевы забавы».

На прощание Олялин «пригрозил» мне подарить свою книжечку стихов, сообщив, что вышла она в Киеве.

3.

Как-то в один из воскресных дней я и младший сын Женя (одиннадцатый год) гуляли по центральному рынку и встретились с Николаем Владимировичем. Я представил сына. С минутой поговорили.

4.

Через некоторое время я снова увидел Олялина в магазине родного мясокомбината. Стою в очереди. Заметив меня, Николай Владимирович воскликнул: «О, мой лучший друг, здравствуй!»

...Так вот и прошли четыре встречи в течение полугодия 1994 года. Желание же сниматься в кино во мне укреплялось. Шло время. На съемки никто не вызывал. Не побежишь же спрашивать, когда начнут снимать кино. Но я себя успокоил: вот бывают же дублеры-космонавты, так и не полетевшие в космос; и не беда, если в фильм не попаду. А так как мне все-таки не удалось сняться в кино, поэтому и свои комментарии назвал «Записки не киноактера».

5.

Уже в феврале 1995 года шел я мимо «резиденции» Олялина и зашел посмотреть — поведать известного актера. Подарил еще одну свою книжечку — теперь уже прозы. Поговорили пару минут вдвоем. О съемках фильма ни слова, а потом набилось народу. Звенел телефон. Я сидел напротив Николая Владимировича и смотрел, как он разговаривал по телефону, с людьми, и проникался к нему симпатией, но уже не только как к киноактеру, но и как к человеку. Правилась его улыбка, голос, юмор, восхитения, живость глаз.

Первые роли в кино

В 1979 году издательство «Искусство» выпустило сборник «Актеры советского кино», и в этом сборнике нашлось место и вологжанину — киноактеру Николаю Олялину. Автор И. Соколова начала свой небольшой рассказ так: «В киновеграфии Николая Олялина не было внезапных свершений, творческих открытий, удивительных по неожиданности и вместе с тем точных попаданий на роль, после которых появляется соблазн написать, что на завтра актер проснулся знаменитым. Словом, можно сказать, что не было в его биографии ничего сверхобычного».

Насторожило меня такое начало. Может, оно и верно, но мне с этим не хочется соглашаться — хотя бы потому, что весь СССР в один вечер посмотрел по телевидению фильм «Дни лётные», а после выхода первой серии киноэпопеи «Освобождение» уже весь мир знал Цветаева, и то, что сыграл его человек по фамилии Олялин. А уж попадание на роль Цветаева, так точно, что никогда не представить другого актера на эту роль. И сыграл он ее так, что у некоторых создается иллюзия сверхпростоты образа, который легко было сыграть.

Начиная рассказывать о нашем герое очерка, о его творческом пути в киноискусстве и о фильмах, в которых он снимался, мы чуточку забежали вперед... Конечно, надо бы начать так: в городе Вологде или в селе, в таком-то году, родился мальчик Коля. Да, возможно, будет и такая зарисовка — о его детстве. Но здесь речь пойдет о приходе Николая Олялина в кинематограф.

...Его Красноярский театр был на гастролях в городе на Неве, в городе его студенчества. Олялина приглашают в труппу театра комедии. Завидное приглашение. Николай Владимирович отказывается. Он выбирает стезю артиста кино. Как же это произошло?

Еще учась в институте приходилось подрабатывать, и вот ради заработка, пусть небольшого, снялся в первой роли. Но что это за роль, Николай Владимирович не рассказывает, не считая это началом. А на вопрос: «Какой фильм можно считать началом Вашей творческой биографии в кино?», в одном из многочисленных интервью, ответил так:

«Это фильм «Дни лётные», поставленный на киностудии имени Довженко в 1964 году. В нем я сыграл роль военного летчика лейтенанта Болдырева».

Здесь уместно процитировать часть статьи А. Кибардиной из газеты «Красный Север» за 22 июля 1966 года. В ней опи-

сана одна из самых первых встреч Олялина — артиста с земляками. Она происходила в кинотеатре имени Горького, память о котором до сих пор хранят вологжане. А на фотографии А. Жидкова работник этого кинотеатра Л. Бутышева подносит цветы артисту, где он молод и пока не знаменит.

Итак, из статьи:

«Служили три, вернее, четыре друга в авиационном полку. Летали. Только один уже никогда не взлетит: навсегда взяла его к себе земля. Но трое других уходят и уходят ввысь, трое других берегут его память в сердцах, и она, эта суровая память, делает их и храбрее, и осторожнее, мужественнее и щедрее на заботу о близких.

Три киноновеллы, слитые воедино в фильме «Дни лётные», поставленном Н. Литусом и Л. Ризиним по сценарию Л. Ризина на киностудии имени Довженко, проходят перед нами. В них раскрываются несхожие характеры — озорные и скромные, удачливые и явно невезучие, сдержанные и горячие — покорителей небесных глубин, хозяев больших скоростей, одним словом, летчиков, чья жизнь — непрерывный труд и учение, и риск.

Роли летчиков Николая, Андрея, Лешки играют Николай Олялин (артист Красноярского театра имени Ленинского комсомола), Юрий Кузменков (артист театра имени Моссовета), Владимир Петченко (студент ГИТИСа). С одним из них зрители кинотеатра имени Горького недавно смотрели кинофильм вместе.

— В кино это моя первая роль, не считая одной во время учебы в Ленинграде, — говорит он. — Тогда приходилось подрабатывать на киностудии и, уезжая, мы, на всякий случай, решили оставить там свои фотографии.

Уехали, работа в театре захватила, о кино, вроде, и не думалось. И вдруг получаю от друзей письмо: тобой заинтересовалась киностудия имени Довженко.

Решил попытать счастья, написал туда и получил ответ: «Приезжайте на кинопробу». Если бы вы знали, как я тогда волновался. Стою перед кинокамерой и, что называется, ни говорить, ни двигаться не в состоянии. Режиссер сердится, а я ни с места. Ну, думаю, все пропало. Потом вошел в норму, но все равно на душе тревожно — наверное, не прошел.

Уехал в Красноярск, а ответа все нет. И когда уже и надеяться перестал, — узнал: утвердили на главную роль. Не буду рассказывать, как создавался фильм, как работали. Одно скажу: работали много, очень много, а что получилось, судить вам, дорогие товарищи...

Записки не киноактера

6.

В следующий раз я зашел к Олялину в конце марта. Как всегда были люди. Мы разговаривали урывками. Я сообщил, что еду в отпуск к маме, в село. Узнал: фильм начнут снимать, когда построят Дом киностудии «Деревеньки».

— Крышу уже делают, — сообщил.

Также Николай Владимирович попросил меня прийти к нему на следующий день за сборником стихов. Я же, отозвав его в сторонку, спросил, как он смотрит на то, чтобы я написал о нем книжку, хотя бы страниц на шестьдесят—восемьдесят.

— Нет, нет, — сказал категорично.

7.

На следующий день Николай Владимирович подарил мне свой сборник стихов. Я попросил автограф.

— А вдруг не понравятся? — ответил киноактер и не стал подписывать. Так и храню эту книгу без его автографа.

8.

В первый день апреля 1995 года я был уже в поезде. Раскрываю (прочитать в Вологде не успел) газету «Русский Север» за 31 марта. Замечаю заметку «Снимается кино». В ней сообщалось о том, что наш знаменитый земляк, актер и режиссер Николай Олялин не будет снимать фильм «Царевы забавы» по ранее утвержденному сценарию. Чтобы выжить в наше время, будет снимать эротический фильм «Крепкий орешек-3». Сообщалось также, что все мужские роли распределены, а вот для женских будут проходить пробы в киностудии «Деревеньки» с 1 апреля. И фраза была такая в конце статьи: «Пробовать будет сам Олялин».

Надо же, только тут я понял — апрельская шутка это.

А вот в отпуске во время работы на огороде пришли умные мысли. Об Олялине, конечно, писали в газетах и журналах. Что если просмотреть журналы «Советский экран», «Искусство кино», а также центральные и вологодские газеты, начиная с 1968 года? Почему именно с 1968 года? Да потому, что с этого года Николай Олялин стал работать киноактером на Киевской киностудии имени А. П. Довженко.

Задумано — сделано! В основном июнь, июль и август ушли на то, чтобы просмотреть подшивки журналов. После работы часа по два до боли в глазах листал я журналы. Бывало, помогали в этом и друзья. Конечно, попутно кое-что читал и постепенно «вживался» в мир кино — интереснейший мир!

Газеты же листать не пришлось, так как в краеведческом отделе Вологодской областной библиотеки имени Бабушкина, в картотеке на имя Олялина, были вписаны все публикации о нем — в газетах «Красный Север», «Вологодский комсомолец», а также в районных и даже центральных. Зная номер газеты, число и год, оставалось только найти их.

Со всех публикаций о Николае Владимировиче и о фильмах, в которых он снимался, были сделаны копии. В результате у меня оказалось около ста страниц материалов. Можно бы за месяц «перелопатить» — и книжка готова! Но имея материалы, я решил идти другим путем: найти одноклассников, читателей, поговорить с ними...

Пришел в «резиденцию» Олялина с целью показать собранный материал, заставить ответить на три десятка вопросов. И выяснилось: Николай Владимирович уехал в Киев, а строительство киностудии приостановлено. Подробности выяснять я не стал. Хватало других забот.

9.

...Книгу я собирался начать писать лет через пять, а пока собирал материал: встречался с родственниками Николая Олялина, его учителями, одноклассниками, завязал переписку с аккерами, с которыми снимался Николай Владимирович. Но вот мой наставник в поэзии редактор двух моих поэтических книжек, Александр Сергеевич Щевцов, узнав от меня, что я собираю материал об Олялине и буду писать книгу в следующем веке, прислал мне такое благословение и пожелания:

«Рад — и твоему письму, и доброму вниманию (да и какому) к «Стансам», то есть интонационному стиху, что очень важно, и твоей «идее» по Олялину. А что — хорошая идея. И прекрасное — и по объему, и по времени — начало. Что же тут откладывать на пятилетие, точнее — на «пятилетку»? В три—четыре месяца управишься. Тем более — с таким богатым материалом. Сразу и начать бы, скажем так, организовывать его (хотя бы это поначалу). Плюс к тому напишешь что-то к этому, хотя бы в плане комментария. А письма (отзывы, воспоминания и пр. и пр.), коль что-то будет, — после впишется в готовую тогда уже рукопись по сути книги. Как ни относишься к Олялину, а это — имя, а еще точнее — русская культура и ее — пусть современная — история. И это дело можно лишь приветствовать и пожелать тебе удачи. Лучше не затягивать — пока ты в теме полностью: не упускай такой психологической возможности, что тоже важно для работы».

К этому совету я решил прислушаться.

До нового года съездил в обе школы, где учился Н. В. Олялин и взял домашние адреса его учителей.

10.

Первого января, в 11 часов утра я подошел к иконе и помолился перед началом такого большого дела — как написание книги. Одно ведь дело — небольшие рассказы.

А здесь — об одном человеке. и материала насобиралось столько, что можно в нем и «утонуть». Конечно, в последние дни старого года я прочел все собранное (как бы жил в теме), держа в голове что, где и о чем. За четыре часа я написал... лишь одну страницу. Но зато пришла еще одна идея, которую тут же и осуществил — написал письмо в Красноярскую библиотеку с просьбой просмотреть в газетах за пять лет, что же написано об Олялине как актере Красноярского театра юного зрителя.

На второй день дело пошло веселее. Написал за два часа две страницы. В результате одна глава в черновом варианте была готова. Да и итог семи дней был не плох — десять страниц — две главы. Но не в количестве дело; главное — начал и получается, и душа на подъеме. Конечно, одновременно писались и другие вещи, которые так увлекли, что следующую неделю писать об Олялине так и не собрался. А 15 января я уехал в Ярославль на Всероссийскую конференцию молодых писателей. Для меня это было огромное событие, ведь конференция в масштабе страны. Но это другой рассказ...

Там я познакомился с поэтом Николаем Николаевичем Ереминым из Красноярска и попросил его, чтобы он, когда зайдет в свою библиотеку, напомнил обо мне и моей просьбе по поводу Олялина. И действительно, из библиотеки материалы пришли, и на основе их я написал еще одну небольшую главу из жизни Красноярского ТЮЗа.

Побывал я в гостях и у трех женщин-учителей, которые учили и помнят Николая Олялина. А вот, что они мне рассказали, привожу ниже.

Рассказывает Капитолина Ильинична Павлова:

«Впервые Колю я увидела у него дома, так как пришла к Олялиным из-за брата Игоря, которого учила. Было в лице Коли что-то есенинское — беленький, аккуратненький, спокойный, миленький, как Лель. Тогда он был в третьем классе.

Второй раз, мне кажется, заметила его спустя пять лет. Меня попросили заменить на время его учительницу по русскому языку и литературе. А у меня в драмкружке на тот момент была проблема. Мы репетировали «Ревизора» и все роли были, кроме Хлестакова. Я все думала, кого бы на Хлестакова найти. И вот обратила внимание на Колю и предложила ему. И он согласился. Стали репетировать. Поначалу я показывала, как и что делать; а потом и не надо было. Так играл, как будто, ну, прямо артист готовый! И ребята лучше заиграли. Ребята до этого были скованнее, а тут Коля и жест необходимый сделает, и глаза вытаращит. Ну, прямо, все на месте! А говорил-то без запинки. Говорил, чего и не было.

— Колька, этого нету, — говорю.

— Ну дак, Капитолина Ильинична, смысл все тот же, — отвечает.

— Смысл тот же, но давай же по Гоголю будем, — призываю его.

— Выучу дак и по Гоголю будем, — соглашается.

Спектакль репетировали долго, так как брали много сцен. Конечно, он сыграл уверенно, и ребята тоже за ним увереннее себя чувствовали.

Потом Коля перешел в вечернюю школу, и я потеряла его. Прошло время, и узнала, что поступил в театральное.

Как-то был в школе «огонек» для старших классов. Николай и пришел. Прочитал он «Анафему» Куприна. Все были потрясены. Я нашла этот рассказ и перечитала благодаря ему. И после, как Толстого проходили, я всегда «Анафему» Куприна читала. Вот как он меня сподобил, и ребятам об этом говорила. Тогда, в школе, все знали, что он выпускник нашей тринадцатой школы. И киноактером приходил в школу и рассказывал о себе».

Рассказывает классный руководитель **Елена Федоровна Воробьева**:

«Помню Николая в восьмом и девятом классах. Вела я историю. Учиться ему, по существу, было некогда. Родители заставляли работать. Николай работал грузчиком на пивзаводе, потому что там давали для коровы жмых.

Мальчик смысленый. Ребята его любили. Может, и за то, что Николай занимательный — пантомимы показывал, и они были гвоздем программы. В то время каждый класс готовил платный концерт для родителей, и деньги от сбора отдавались родительскому комитету.

Николай пропускал уроки. Мне приходилось идти к Олялиным узнавать, почему Коля нет. А когда Николай учился в Ленинграде, в каждые свои каникулы приходил в школу, встречался с ребятами. Однажды была я в Ленинграде — и (надо же так!) мы встретились в троллейбусе. Я стою, а он сзади меня спрашивает: «Вы выходите...»

Как-то в мой адрес сделал он комплимент, сказав: «Как стану режиссером, обязательно поставлю фильм, где будет учительница, похожая на Вас».

Рассказывает **Таисия Павловна Чизлова** — учительница географии:

«Я хорошо помню Николая в девятом классе. Знали мы все, что он живет в тяжелых материальных условиях. [Сколько в семье детей, не знаю, знаю точно — три сына. Вот на двоих были одни брюки и одна пара ботинок.

Не так уж много помню, но вот пару случаев в памяти держу.

Вела я географию первым уроком во второй смене. Николая нет. Вдруг заходит и с чувством смущения говорит: «Таисия Павловна, «корочки» одни, а брат задержался, и я опоздал». А о том, что брюки одни на двоих, сказать стеснялся.

Учась в школе, Николай на жизнь подрабатывал. Однажды смотрю — спит во время урока на последней парте. Подошла:

— Коля, — зову.

— А? Что? Таисия Павловна, да я ящики всю ночь на пивзаводе колотил».

Кроме всего этого я написал письмо артисту Михаилу Ульянову на адрес журнала «Театр» (он является членом редакционного совета).

В подтверждение, что мир тесен, подходит и такой факт. У одной знакомой по работе, Натальи Хрусталевой, оказывается, брат двоюродный во МХАТе — артист Коростылев. Она написала ему письмо обо мне. (А дело в том, что во МХАТе работает Георгий Жженов, снимавшийся с Олялиным в одном из фильмов).

Вот и все, что было сделано за четыре месяца 1996 года.

...Как начинал играть первые роли в драмкружке Николай Владимирович — для меня пока загадка. Павлова считает, что это у нее, а вот в статье «Надежность» (газета «Советская культура» от 22 сентября 1983 года) Олег Фиалко пишет: «Он родом из Вологды. И с городом этим, родным и милым, связано многое, особенно первое — первый самостоятельный шаг по земле, первый класс, первый выход на сцену еще мальчишкой в первой роли в жизни в самодеятельном спектакле «Сын полка»...

Известно, что Олялин посещал драмкружок при Доме офицеров. Может быть, там? Вопрос. Впрочем, пока писалась треть книги, я написал два десятка вопросов главному герою — Николаю Олялину, который, возможно, еще не подозревает, что я изучаю его творчество так пристально.

Что еще надо бы здесь упомянуть?

В поисках материалов о Николае Владимировиче Олялине встретил людей разных: и тех, кто одобрял мою идею написать книгу, и противников. Но, думаю, это естественная реакция. Главное, что я пишу не ради чего-то, а с любовью к актеру.

О фильме-эпопее «Освобождение».

Цветаев—звездный час Николая Олялина.

Фильм «Освобождение» — это фильм-гигант. Он состоит из пяти полнометражных художественных лент — «Огненная дуга», «Прорыв», «Направление главного удара», «Балканы, 1944» и «Битва за Берлин».

Об этом фильме написано много и в газетах, и в журналах «Советский экран», «Искусство кино», поэтому рассказать о фильме «Освобождение» самое главное — довольно непростая задача.

Некоторое представление о масштабах съемок может дать такая деталь: в 1965 году решение о запуске картины подписали министр Вооруженных Сил СССР, министр финансов СССР и председатель Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР.

...На экране танки ведут огонь в упор. Броня сталкивается с броней. Выскакивают из люков танкисты, схватываясь в рукопашной. С большой силой воспроизведено кинематографистами знаменитое сражение у Прохоровки 12 июля 1943 года.

«Огненная дуга», куда входит танковый бой у Прохоровки, рассказывает о битве под Курском, операции «Цитадель», как называли ее немецкие генштабисты. Немцы сосредоточили здесь сотни тысяч солдат и офицеров, тысячи орудий, 2700 танков, множество самолетов. Здесь впервые в больших масштабах появились новинки военной техники — «тигры», «фердинанды», «пантеры», истребители «фоккевульф-190»; сюда был брошен цвет фашистского воинства.

«Создателям киноэпопеи удалось главное: они восстановили правду, воссоздали на экране исторически точную панораму военных и «политических событий 1943—1945 годов», — так писала о фильме в статье «Правда о войне» Герой Советского Союза, кандидат исторических наук Марина Чечнева. — А дело в том, что западные мемуаристы, историки войны, журналисты и писатели делают все, чтобы принизить великий подвиг советского народа. На Западе выпущены фильмы-гиганты, вокруг которых поднята большая шумиха. Например, «Самый длинный день» — о высадке союзных войск в Нормандии в сорок четвертом году или «Битва в Арденнах». Эти фильмы поставлены талантливыми режиссерами, операторами, сценаристами с участием крупнейших звезд мирового ки-

но. Но после просмотра этих картин создается впечатление, что вся тяжесть войны легла на плечи американских и английских солдат. Такая ложь и оскорбительна и опасна: за эти годы выросло новое, не знающее ужасов войны, поколение. На нашем фронте находилось 77 процентов состава гитлеровской армии. Фильм «Освобождение» своей наглядностью поможет развеять туман легенд, создаваемых западной пропагандой: хребет Гитлера был сломлен не в Сицилии, не в Нормандии или Африке, а под Москвой, Сталинградом, на Курщине, Днепре и в Белоруссии» — подчеркивала значение фильма все та же Марина Чечнева.

Достоинство фильма и в том, что он избежал карикатурности в показе врага. К сожалению, слишком часто кино облегченно рисовало картины минувших сражений. В действительности перед нами был опытный, очень сильный, коварный враг. Таковы в фильме Кейтель (Г. М. Хенненберг), Манштейн (Э. Вайс), Клюге (Х. Хассе), Модель (П. Штурм).

Фильм «Освобождение» показывает борьбу штабов, умов, борьбу военных доктрин. На Курской дуге у нас и немцев были приблизительно равные силы, но сказалось превосходство нашего полководческого искусства. В картине пятьдесят одно историческое лицо, и среди них прославленные военачальники — Жуков (М. Ульянов), Рокоссовский (В. Давыдов), Василевский (Е. Буренков), Ватутин (С. Харченко) и многие другие.

«Освобождение» не только реконструирует события, крупнейшие батальи, показывает исторических деятелей через все произведение проходят образы собирательных героев. Это капитан Цветаев (Н. Олялин), медсестра Зоя (Л. Голубкина), комбат Орлов (Б. Зайденберг), подполковник Лукин (В. Санаев)... Это живые, подлинные характеры тех, кто сидел в окопах, у штурвалов самолетов, кто шел в атаку и подрывал поезда в партизанском тылу. Эти образы и дали возможность показать войну с разных точек зрения — и глазами солдат, и глазами полководцев; сделать фильм не только событийным, но и психологическим.

Картина огромна по масштабам (об этом расскажем чуть ниже) и необычайно сложна постановочно. Для того, чтобы так рассказать о войне, ее нужно пережить. Один из авторов сценария и режиссер-постановщик Юрий Озеров семь лет служил в армии, окончил Академию имени М. Фрунзе майором, воевал в Карпатах, закончил войну в Кенигсберге. Сценарист Юрий Бондырев служил в артиллерийском полку, участвовал в битве на Курской дуге, в форсировании Днепра, прошел с боями Польшу и Чехословакию. Другой сценарист,

Оскар Курганов, был военным корреспондентом «Правды». Оператор Игорь Слабневич — в прошлом танкист, художник Александр Мягков — пехотинец, режиссер Юлий Кун — фронтовой кинокорреспондент.

Теперь несколько примеров о масштабности. Фильм «Огненная дуга». В одноименной статье, помещенной в четвертом номере журнала «Советский экран» за 1968 год, С. Марков пишет:

«Первые, вступительные кадры картины, ее пролог, показывают, как 25 марта 1943 года Гитлер проверяет на полигоне действие новинки военной индустрии — шестидесятитонных танков «тигр». Это была подготовка к операции «Цитадель», как зашифровал Курское сражение германский генштаб. Подготовка велась в глубокой тайне больше трех месяцев, до начала июля. Противник хотел окружить курский выступ, вдавшийся до двухсот километров в расположение немецких войск, взять Курск и развивать наступление в обход на Москву. Но об этих планах знали, сражения ждали и, готовясь к обороне, думали о наступлении.

На сравнительно узком участке фронта немцы сосредоточили 900 тысяч солдат и офицеров, 10 тысяч орудий и минометов, 2700 танков, 2 тысячи самолетов.

В киносъемках участвовали две тысячи солдат, самолеты, орудия, вездеходы, мотоциклы, автомобили...

В репортаже «Направление главного удара» Г. Цитриняк сообщает нам немало эпизодов, говорящих опять же о масштабности съемок. Привожу оттуда лишь один эпизод:

«И вот спустя 25 лет, на болоте, с трудом найденном под Вильнюсом (осушение болот идет полным ходом), кинематографисты снимали кинобои, киноатаки, киносражения. Но мне не хочется, чтобы у читателя осталось «игрушечное» впечатление от того, что в августе творилось на болотном пятачке диаметром километра в три: болото-то было настоящее, да и танки — не из папье-маше, а знаменитые «тридцатьчетверки», чудом сохранившиеся с военного времени...

...Прораб «Мосфильма» Юрий Чупак объяснил мне «объем работ» так:

— Надо было загнать сорок танков на четыре гати. В чем трудность? Болото запущено, не корчевано. Не просто болото, а ямы глубиной до двух метров... За три дня два батальона солдат уложили туда 800 кубов леса и триста пятьдесят грузовых машин гатей...

Этот же автор задал немало вопросов Озерову, и часть вопросов и ответов мы здесь поместим, так как они (ответы) раскроют некоторые важные детали о фильме-эпопее:

— Почему в пяти фильмах «Освобождения» описываются события последних двух лет войны, начиная с Курской битвы? Почему выбраны эти два года?

— Начнем с того, что о первом периоде войны, об ожесточенных боях, отступлении, у нас уже снято очень много картин. Был, мне кажется, не совсем правильный крен в этом отношении. Курская битва еще раз показала, что наша армия может наносить такие удары, от которых фашистская Германия уже не способна оправиться. После этого «треснула» Италия, где высадились союзники, через год был открыт второй фронт.

Как я уже говорил, не все это знают. Например, многие западные немцы — не знают. Первые два фильма, показанные гостям шестого Международного кинофестиваля в Москве, особенно заинтересовали продюсеров ФРГ. «Мы ничего не слышали о Курской битве — мы знаем только о Сталинграде», сказали они.

— Не могли бы вы сказать несколько слов об особенностях стилистики фильма?

— Перед тем, как взяться за картину, главный оператор Слабневич, главный художник Мягков и я обсудили изобразительное решение всего фильма и согласились взять за основу такой формальный прием: освобождение от фашизма — это цвет, а оккупация — черно-белое кино. Кроме всего прочего сцены документального плана должны быть тоже черно-белые. Мы снимали их «под документ».

По этой причине в картине сочетаются и цвет, и черно-белые кадры с последующим варьированием...

— Видимо, еще одна проблема, вставшая перед вами — показ сражений? Чем, вообще, батальи в «Освобождении» отличаются от сражений, показанных в других наших фильмах?

— Видите ли, в некоторых картинах прошлых лет об Отечественной войне акцент делался на исторические фигуры, не всегда правильно выбираемые. Из-за этого из поля зрения подчас выпадали те, кто действительно ковал победу. В силу этой и ряда других причин, война в тех фильмах была не главное. Поэтому не было ни военной стратегии, ни войны, ни батальи. Что же касается фильмов исторических, то снимать сражения там несколько проще — почти одна пехота. А пехоту привезли на машинах, переодели — она снимается, хотя количество людей, конечно, больше — построения другие.

Скажем, в картине о событиях восемнадцатого и девятнадцатого веков войска построены в кадре — очень плотно. Но в середине двадцатого века, как известно, война стала качественно иной: появилось много техники. И, например, в эпи-

зодах Курской битвы в первом фильме «Огненная дуга» у нас в кадре было не только три тысячи пехоты, но и 100 танков, своя авиация — 18 самолетов и так далее. Всего же техники было 500 единиц: самолетов, танков, орудий, бронетранспортеров и прочего. Это соответствовало и реальным данным периода великой битвы — в частности, плотность танков на участке прорыва в июле 1943 года составляла до 70 на один километр фронта.

Так вот: пятьсот единиц техники в кадре. А иначе снимать современное сражение нельзя. Но это ведь огромный парк. Дальше предстоят съемки взятия Берлина, где будут участвовать 5 тысяч солдат — больше, оказалось, просто невозможно поместить в кадре»...

Фильм «Освобождение» обошел весь мир — его показ шел почти во всех странах мира, о фильме говорила вся планета. Миллионы людей Советского Союза, просмотрев этот фильм, гордились им, как гордились многими достижениями в те годы. И вот в таком фильме одну из главных ролей — капитана Цветаева — играл Николай Владимирович Олялин. Как же попал он на эту роль? В одном из интервью Олялин отвечал так:

— Дело обстояло следующим образом. Один из известных артистов был уже утвержден на роль капитана Цветаева. Но режиссера картины Юрия Озерова все еще одолевали сомнения в правильности выбора. А в это время по Центральному телевидению как раз показывали фильм «Дни лётные» с моим участием, в котором Озеров впервые и увидел меня. Увидев же, он сказал: «Вот этого артиста буду снимать». И в Красноярск, где я играл в то время в театре юного зрителя, полетела телеграмма с «Мосфильма» в мой адрес: «Приглашаем на центральную роль в картине «Освобождение».

Говоря о фильме, повторюсь еще раз — о нем писали очень много; возможно, если все собрать, написан целый том: газетных и журнальных рецензий; о создателях фильма и артистах. Наряду с критиками, киноведами, литераторами отозвались известные военачальники, военные историки, участники Великой Отечественной войны, простые граждане СССР и многих стран. И, безусловно, во многих публикациях писалось о Николае Олялине, сыгравшем роль скромного артиллерийского капитана. Поэтому считаю, что после этой картины, как сейчас модно говорить, Олялин стал звездой — наступил его звездный час. В главе «Первые роли в кино» я не хотел соглашаться с И. Соколовой, что у Николая Олялина не было такой роли, после которой он проснулся знаменитым. Вправе каждый выражать свою точку зрения. Но вот как

точно, сжато и лаконично говорит она об Олялине-Цветаеве, и этот отрывок из сборника «Актеры советского кино» привожу полностью:

«Киноэпопея задумывалась во многом как документированный рассказ о переломных, наиболее значительных событиях последних лет войны — от битвы под Курском и до взятия Берлина. События в фильме неотделимы от человеческих характеров и судеб, от жизней тех миллионов, которые выступали подлинными творцами истории. В кинематографическом эпосе герой Олялина олицетворял народный характер, становясь выразителем пафоса героики и патриотизма. Хотя Цветаев проходит через все пять серий «Освобождения», в фильме нет специально выделенного рассказа о его жизни, камера фиксирует и укрупняет отдельные эпизоды его каждодневного военного бытия. Жизнь Цветаева состоит из будней, но будней героических, ибо каждый прожитый им на войне день — подвиг. Нет такого испытания, через которое не прошел бы Цветаев, и всякий раз актеру удавалось в драматических, можно даже сказать кульминационных местах, избежать патетики, не превратить своего героя в сверхчеловека.

Чтобы ни делал герой Олялина на экране: бросался ли в атаку, увлекая за собой батальон, радовался ли встрече с любимой девушкой, прощался ли навсегда с боевыми товарищами — со всем актеру удавалось оставаться в рамках жизненной достоверности, словно он говорил с экрана не только от имени миллионов.

Много солдатам приходилось на полях сражений оставаться один на один с вражеским танком, — ужас и отчаяние многих, их несгибаемую волю вобрали в себя расширенные глаза Олялина. Вечное единоборство человека с бесчеловечностью, со всем антигуманным, что стоит за слепым нацеленным оружием и приводит его в движение.

Тысячам солдат суждено было пережить на фронте горечь невосполнимых потерь, и кажется, что под всеобщей тяжестью согнулись плечи Цветаева-Олялина, когда брел он, низко опустив голову, по залитой кровью белорусской земле среди мертвых орудий и мертвых людей.

Как истинно эпический герой Цветаев проходит все испытания вплоть до последнего, до штурма Берлина. И на всех этапах борьбы беспримерное мужество капитана, его героическая стойкость и преданность солдатскому долгу окажутся неотделимыми в нем от неизбежного, можно даже сказать вдохновенного гуманизма.

Потому в галерее военных героев капитан Цветаев уверенно занял предназначенное ему место, ибо его судьба пе-

ресеклась с судьбами тех, о чьем бессмертии Б. Слуцкий писал:

«Да, каждый был ранен, контужен,
А каждый четвертый — убит.
И лично Отечеству нужен,
И лично не будет забыт».

Фильм «Освобождение» открыл кинематографу нового актера — актера, как будто бы специально созданного для того, чтобы нести с экрана мысль-обобщение, воплощая характеры значительные и законченные.

А что же о роли Цветаева говорит сам актер Николай Олялин? Далеко от Вологды он, аж в Киеве живет, но мы не будем ждать, когда придет, а откроем журнал «Искусство кино» № 8 от 1973 года. Здесь есть статья «Моя профессия — актер», автором которой значится Николай Владимирович. Читаем:

«Меня привлекают в жизни характеры сильные, значительные, такие, которые способны противостоять бедам и трудностям, проявляют стойкость и выдержку перед лицом самых сложных испытаний. Не сделают шага назад, не сдадут своих позиций.

Вот почему я с благодарностью вспоминаю своего Цветаева в «Освобождении». Фильм рассказывал о судьбах миллионов наших солдат. И Цветаев, будучи одним из них, воплощал волю, чувства, мысли советского воина. Образ как бы обобщал все лучшее, определяющее советский характер. Характер человека, который вступил в непримиримый бой с врагом его Отечества, и не только своей грудью защищал Родину, но и вел в атаку сотни солдат, собственным примером вдохновлял на героический подвиг.

Мне Цветаев особенно дорог слитностью его личной судьбы с судьбой общечеловеческой, общенародной. Но я не пытался создать некую абстрактную монументальную фигуру. Нет, я старался показать именно живого человека с его страстями и чувствами, показать, как он может яростно ненавидеть и как может нежно, преданно любить. И в то же время я стремился к образу масштабному, олицетворяющему силу и непобедимость нашего народа».

Записки не киноактера

11.

В начале мая я наметил план работы над книгой на последующие четыре месяца, а май пронесся так быстро, что удалось написать лишь пару страниц. А из газет

узнал о том, что 22 мая Николаю Владимировичу исполнилось 55 лет. Не забыла пресса, поздравили. В этот же день в 18.10 в «Ленкоме» — центральном кинотеатре города Вологды — состоялся просмотр фильма «Не отстреленная музыка». Режиссер фильма Николай Олялин. Он же в главной роли. Партнером в фильме была Александра Яковлева — одна из самых динамичных женщин сегодняшней России. Все помнят, как ярко она дебютировала в «Экипаже». Потом мы узнали о ней как о жене известного тележурналиста Александра Невзорова. Расставшись с ним, она поставила жесткий фильм «Паром «Анна Каренина», в мрачноватом герое которого угадывается знаменитый репортер.

В настоящее время Александра Яковлева вице-мэр родного ей Калининграда и президент кинофестиваля стран Балтии «Янтарная пантера». Но вернемся к фильму. Итак — история о любви. Сколько их за вековую историю кино! И вот еще одна. Трогательная.

Смотря этот фильм, по сути, рядовую вещь, в меня почему-то вселялась уверенность, что и я смогу сыграть в кино.

Удалось посмотреть и фильм «Воля», где Николай Владимирович опять же в главной роли и он же автор сценария. Возможно, когда в СССР выходило более трехсот фильмов в год, то и фильм «Воля» среди них был бы таким же рядовым. Но вологжанам этот фильм дорог тем, что снимался он в Вологде.

Я подробно не останавливаюсь на этих фильмах, ведь это просто беглые записки не киноактера. Придет время, и о них мы поговорим подробнее.

12.

В еженедельнике «Зеркало» от 30 мая 1996 года, то есть спустя неделю после дня рождения Николая Олялина, появилась статья «Помолилась и свечу зажгла». Автор — Мелания Дунаева. Я собирался встретиться с мамой Николая Владимировича по своему плану в июне. Как говорится, опередили. Ну, а так как я вроде теперь биограф Олялина, то эту статью привожу полностью:

«Вся областная киношная общественность отметила в мае 55-летие замечательного русского актера Николая Олялина. Я бы добавила еще — «заслуженного вологодского». Он ведь родился в вологодском краю.

22 мая я побывала у матери Олялина — Зои Ивановны. Поздравила ее с этим днем и попросила вспомнить, как появился на свет Николай, каким он был в детстве, как шел к своему ремеслу. Когда-нибудь я обязательно напишу отдельно про эту славную русскую женщину. А пока — только о нем, ее среднем сыне. Так сказать, выдержки из услышанного.

— В этот день муж пахал, а я так чудно — мимо иду, живот держу. Говорю: «Что-то не могу...». Отвез меня домой. А я в деревне на печке родила. А потом через день уж пошла в очередь подпаском. Пастух, помню, гонит меня домой, а я ведь не могу уйти, обязана была. А через месяц мужа взяли на фронт, осталась одна. С тремя классами образования назначили меня бригадиром, а ведь тоже немец летал. Нам строго было приказано скот

беречь — мы его в лесу прятали. Ой, всем досталось... И детям тоже. Коля вместе со старшим, Игорем, дома оставался. Но я кормила его грудью. Я их всех троих (Виктор родился в 1948) выкормила до двух лет. Который-то уж матом начинал ругаться, а грудь брал. Они у меня все, как орешки. Не болели ничем, кроме простудного. Трое парней, в отца здоровые, самостоятельные и на язык острые.

Николай любил выплясывать. Его концерты с удовольствием всегда смотрели гости. После войны муж перевез нас в Вологду, нашли комнату в шесть квадратных метров. И жили дружно. Николай закончил 11-ю школу. Участвовал там в художественной самодеятельности. Не любил, чтобы я смотрела. Один раз все равно пришла. Ой, переживала. Вышел он на сцену, а в зале крик. Думаю, не сладить ему. Нет, руку поднял — все замолкли.

А уж как рвался в артисты! Первый год после школы послали его поступать в военное училище. Вернулся ни с чем. Говорит, по зрению не прошел. Он-то по зрению?! Ну, ладно, год отработал и поехал в Ленинград поступать на артиста. Поступил. Я, как и водится, испекла в дорогу пирог, сварила яичек. Он встал у двери и, чтобы я не заплакала, пошутил: «Скорлупу яичную обратно привозить?». Я ему всегда велела с работы скорлупу обратно принести курам. Вот он и подтрунил надо мной.

Он — ласковый и внимательный сын. Если где на съемках бывает, обязательно приезжает. Всегда неожиданно. Всегда в радость. Я бывала у него в Киеве несколько раз. Там Николай живет уже 30 лет. Семья у него замечательная. Одна-единственная жена. Не артистка. Когда он ее нашел, она работала где-то секретарем комсомольской организации. Двое детей у них, на сноху похожи...

Давно уже у них не была. Здоровья нет и дорого. Николай сам заезжал в прошлом году. Звонит иногда. А я вот сегодня и не позвонила ему. Как-то заказывала Киев, постом отдала 12 тысяч, а пенсия у меня маленькая.

Я с утра помолилась за него и свечку зажгла. Двойной ведь праздник. Колин день и его святого. Почувствует мою ласку...

Напоследок я попросила Зою Ивановну назвать точно место рождения Николая.

— Кубеноозерский район, Вотченский сельсовет, деревня Опихалино. Вот там мы и жили, — ответила она.

И я ушла, а старушка осталась в холодной квартире. Укутанная вся. Съездившаяся. Нынче стоит ужасно холодная весна.

Р. С. Вечером Зоя Ивановна позвонила-таки сыну. На 3 минуты заказала разговор. Николая дома не оказалось — был в гараже. И жены его дома не было. Внучка Ольга ответила, что гостей нет, а папа собирается в Минск. Потом Николай сам набрал мать. «Что-то жизнь не похвалил, — сказала Зоя Ивановна, — но все у него хорошо».

...Выступал (...). Спросишь его, бывало, о жизни — ответит коротко: «Все в порядке». И все...

Т. Ф. МЕДВЕДЕВА.

Творчество актера—это популярность, удача, успех и судьба

Сколько на сегодня сыграно ролей. Николай Владимирович Олялин вряд ли ответит. По той причине, что просто не знает — записей таких не ведет.

Занимаясь изучением его творческого пути, могу лишь сказать: сыграно не менее 50 ролей в кино. Впрочем, о чем это я? Разве дело в количестве?

А как он сам относится к своей профессии? Да как к работе, если говорить так: «Работу свою люблю. И чем дальше, тем сильнее, хотя далеко не все свои роли считаю удачными. Могу назвать пять—шесть, за которые не стыдно: вестовой Крапилин в «Беге», капитан Цветаев в «Освобождении», Селиванов в одной из самых дорогих мне картин «Долг», Берт Симпсон в «Бешеном золоте», майор Топорков в телефильме «Обратной дороги нет». Были у меня роли, о которых не хотелось бы вспоминать. Я не удовлетворен, к примеру, своей игрой в фильмах «Секундомер», «Ночной мотоциклист», «Мир хижинам, война дворцам»...

Сбылось, о чем мечтал Олялин. Он стал одним из популярных артистов советского кино. Пришли успех и удача. Но это не просто. И несмотря на известность, актерскую славу, не появилось в нем высокомерие и зазнайство. Прекрасно понимает Олялин и разницу между удачей и успехом.

— Удача приходит сам собой, — утверждал он еще в тридцатилетнем возрасте, — успех же надо отвоевывать пядь за пядью, на этой неведомой земле по имени Кино.

Прошедшие Великую Отечественную войну писали актеру как своему фронтовому другу, писали и школьники, создавшие «Клуб Цветаева», писали и те, кто просто хотел поблагодарить за правду характера. Но бремя славы надо еще и нести. Вот, например, такие эпизоды приведем.

Первый. Семья Степановых — мать и дочь — прислали артисту письмо, которое трудно читать без волнения и сейчас, много лет спустя. Интимное, как самому родному человеку: «Первым нашим движением, когда мы вас увидели на экране: было: сесть в самолет и лететь в Киев. Так вы похожи на нашего отца. Он тоже был майор. Мы жили вблизи границы, когда началась война. Отец побежал в часть, и больше мы его не видели... Конечно, мы понимаем, что вы не наш отец. Но, может быть, вы наш Славик?».

Второй. Звонит женщина из Ивано-Франковска — и в слезы: «...Но я столько потеряла во время войны и сейчас вот

говорю с вами... Поймите меня правильно, звоню и артисту, и человеку, которого вы играли. Хочу удостовериться, что вы не погибли, вы живы...».

По поводу этих эпизодов Олег Фиалко в своей статье «Надежность», опубликованной в газете «Советская культура» от 22 сентября 1983 года, подчеркивал: «Как можно было уйти от этого? Получалось само собой, что роли эти, а точнее жизнь этих героев, свою жизнь выбрал не он сам — выбор сделала судьба, и проверяла его на прочность, на чистоту и душевную щедрость. И каждый день, каждый час ему нужно было сдавать экзамен и за себя, и за других, кто не успел дойти, долюбить, дожить...».

Творчество — процесс сложный. В каждой последующей роли важно не повториться. Об этом Николай Олялин размышлял еще в молодые годы. Вот что по этому поводу написал он сам в уже упомянутой мною статье «Моя профессия — актер»:

«Самоповторение — это трагедия для актера, потому что пристрастие к штампу вытесняет творчество. Но сам актер не всегда способен это заметить, и здесь, по-моему, на помощь должна прийти режиссура. Режиссер в первую очередь должен оберегать актера от самоповторов, выводить его на новые пути, открывать в актере новые возможности. Только совместные поиски, взаимопонимание в труде, полная самоотдача того или другого приводят к удаче, к созданиям глубоким. Примером такого идеального содружества в моей собственной судьбе была работа над ролью Крапилина в фильме «Бег» с режиссерами Аловым и Наумовым. Режиссура здесь очень активна в своем стремлении обнаружить новые стороны, новые грани моих актерских возможностей привести их в соответствие со своим художественным замыслом образа. К сожалению, в кинематографической практике сталкиваешься чаще с явлениями обратного порядка: эксплуатируется однажды найденное актером, уже отработанное им. Режиссер и не пытается угадать нечто новое в творческой натуре актера: ведь он как раз ориентируется на то, что было, вышло, получилось в предыдущей работе — на готовый образец».

Записки не киноактера

13.

24 июня 1996 года вечером в Вологде, в «Русском Доме» состоялась премьера фильма «Ревизор». Среди приехавших были: Сергей Газаров, Евгений Миронов, Ирина Метлицкая и — главное для меня — Армен Джигарха-

нян, который снимался вместе с Николаем Олялиным в фильме «Океан».

Районная газета «Маяк» опубликовала мой материал об этом, в котором не было двух историй о моих попытках поговорить с Арменом Борисовичем. Рассказываю здесь.

Мне сообщают о том, что в 15 часов 30 минут состоится пресс-конференция с журналистами в ресторане «Спасский». Для того, чтобы туда впустили, редакция выписала мне удостоверение внештатного корреспондента.

Мчусь в гостиницу, опаздывая на пять минут. Преодолеваю два поста гостиницы. Говорю коридорному охраннику:

— Я к Джигарханяну.

Охранник меня узнал и повел по коридорам — то вправо, то влево... Открыл передо мной дверь — и я влеваю...

Вижу перед собой накрытый стол. Если бы не затормозил, точно бы его сдвинул. Обвожу взглядом сидящих за столом. Всех знаю. Кроме артистов, здесь журналистка областной газеты «Красный Север» и министр культуры Вологодской области.

— Здравствуйте, родные мои! Приятного аппетита! Я, кажется, не вовремя (делаю шаг назад). Извините, меня обманули.

— Кто обманул? — театрально отложив вилку, спросил Джигарханян.

— Да мне сказали, что здесь будет пресс-конференция...

— Дайте нам поесть! — раздраженно воскликнул Евгений Миронов.

Но я продолжаю:

— Я пишу книгу о Николае Олялине и хотел бы с вами поговорить. Можно я вас подожду?

— Можно, но нас еще куда-то повезут. Согласуйте с Сергеем Юрьевичем, — говорит Джигарханян.

Вышел я. Вдруг вижу, бежит за мной мужчина и говорит:

— Я не обманывал. Извините, но я вас впервые вижу.

— Я вас тоже, — отвечаю. — Вы, наверное, Сергей Юрьевич?

— Да, — говорит мужчина и сообщает, что пресс-конференция состоится в 21 час в гостинице администрации области.

После премьеры фильма (а было без пятнадцати минут) пошел в гостиницу. Только хотел подниматься по ступенькам, смотрю — идут артисты и с ними губернатор области. Останавливаюсь. Пропускаю их вперед. Все поднимаются по ступенькам, но Джигарханян замечает меня и направляется... ко мне. Душа моя ликует! От знаменитого артиста узнаю, что никакой пресс-конференции не будет. Я снова повторяю свою просьбу рассказать о том, как они снимались с Николаем Олялиным.

Губернатор тем временем открывает дверь гостиницы, а Джигарханян, протянув руку в сторону дверей, восклицает с присущим ему акцентом:

— Ну, ты же видишь!?

Я понимаю, что сейчас они будут снова за столом... Но мы беседуем еще несколько минут. Армен Борисович обнадеживает:

— Если перо пойдет, напишу. Приеду в конце июля со своим театром и оставлю записи у директора «Русского Дома».

Видя, что я огорчен, Джигарханян произнес:

— Давай на прощанье пожмем крепко друг другу руки! Так крепким рукопожатием и закончилась эта встреча.

14.

Наступило 26 июля. Пришел и август. О Джигарханяне ни слуху, ни духу. Я же в июле написал главу «Каков он — поэт... Олялин?» да подвел итоги написанного за полгода. Кроме названной главы была написана еще одна: «Творчество актера — это популярность, удача, успех и судьба».

Приятным сюрпризом для меня оказалась демонстрация по Центральному телевидению фильма «Пропавшая экспедиция» в течение трех вечеров (29, 30 и 31 июля). Смотрел и радовался. Идут фильмы, в которых снимался герой моей будущей книги. Живем, значит!

Роли мужественных людей

Киноактер Сергей Никоненко (тоже игравший в фильме «Освобождение») в своей статье «Тема продолжается», опубликованной в журнале «Искусство и кино», в частности, отмечает:

«Жизнь неожиданна. Жизнь всегда опровергает литературные штампы. Поговоришь с героями войны, и выясняется, что всё было много проще и в то же время сложнее, будничней и серьезней, чем иной раз мы изображаем...

Военная тема в нашем искусстве неисчерпаема еще и потому, что короткое и грозное слово «война» влечет за собой для каждого из нас сложный комплекс чувств и мыслей, переживаний и ассоциаций. Трагедия? Да, величайшая трагедия, принесшая неисчислимые страдания многим народам нашей страны, на долю которых выпали невиданные в истории испытания...».

Конечно, роль Цветаева стала визитной карточкой молодого киноактера Николая Олялина. И совсем не удивительно, что и в дальнейшем военные роли ему выпадали еще не раз. Нет такой военной профессии, которую не довелось бы осваивать Николаю Владимировичу на экране. Это — быть пехотинцем и разведчиком, командиром эсминца, артиллеристом и военным летчиком.

Например, вот что пишет И. Соколова об актере Олялине в книге «Актеры советского кино»:

«Герой кинокартины «Дерзость», майор Клименко, — образ в известном смысле обобщенный. На экране майор сразу возникает как воплощение дерзостного бесстрашия. Вместе с двумя товарищами он бежит из фашистского плена, и теперь оказавшись на свободе, Клименко одержим неотвязной мечтой — уничтожить самого Гитлера. Стремясь осуществить намеченный план, он берется почти в одиночку терроризировать немцев. Фильм развивается в стремительной поспешности. Герой Олялин не терпит поражений в рискованных авантюрах. Бесстрашие он утверждает чуть ли не каждой минутой пребывания в кадре. Ему неведомы длительные раздумья, колебания, сомнения. Недаром критик В. Кичин писал, что «даже самые важные подвиги герой совершает словно бы играя». «Игра» здесь слово не случайное. Чем, как не игрой, выглядят на экране переодевания Клименко. Вот он, согласно поддельному паспорту, владелец мелочной лавки герр Македон, между делом пускающий под откос гитлеровские поезда. Актер не ставил задачу убедить нас в достоверности образа лавочника, как не стремился перевоплотиться в убитого майора Винсета или лихого фашистского аса Панцера. Правилom игры провозглашалась условность. Внешний рисунок создавался наброском, эскизно. Вместе со сменой костюма менялись, разумеется, пластические очертания персонажа: сутуловатый, с опущенной головой Македон отличался от заправски вышколенного Панцера. Не вина актера, что дерзостное бесстрашие майора, игра на трюках не давали возможности поверить в значительность личности легендарного Клименко. И дело здесь не столько в сверхчеловеческой храбрости майора, сколько в отсутствии подлинных трудностей, требовавших преодоления. Фашисты словно бы играют с майором в поддавки. Клименко-Олялин существовал на экране в ореоле свершенных им подвигов, оставаясь при этом в рамках психологической обедненности, которая, будучи predeterminedена сценарным и постановочным решением, не могла, естественно, оказаться восполненной актером.

Героев Олялина при несомненной разности их социально-психологических характеристик, неодинаковости судеб, темпераментов, убеждений, роднит основательность, прочность человеческого материала, цельность натуры, как правило, чуждой внутреннего разлада. Однако декларативно положительные качества в конкретной жизненной ситуации могут зачастую обернуться для героя душевной зажатостью, скованностью, исключаящей свободу эмоциональных проявлений.

У капитана второго ранга Платонова из кинофильма «Океан» внутренняя неделимость, бескомпромиссность оборачивается негибкостью, жесткостью в проявлении естествен-

ных человеческих чувств. Беспощадный максимализм избирается им как единственно возможный способ существования. Безупречность военной выправки, волевое лицо, отрывистые чеканные интонации — такому Платонову отказано в сложности душевных перипетий. Когда-то в запомнившемся всем спектакле Большого драматического театра имени Горького Платонов в исполнении К. Лаврова проходил на сцене непростой путь нравственных открытий и переоценок. Герой Олялина лишен движения во времени — он статичен. Платонова, возникающего в ретроспекции, и Платонова вспоминающего можно поменять местами — до такой степени они одинаковы. Иллюстративность постановочного решения не дала актеру возможности прожить платоновскую судьбу, очеловечить характер сурового командира».

Мнение **И. Соколовой** о роли Платонова — это ее мнение. Читаешь — и все, вроде, умно, правильно, но как ни крути, в образе Платонова, который создал Николай Владимирович (уже мое мнение), показан собранный, цельный характер, показана и личность, богатая внутренне, — суровая, строгая, эмоциональная.

Конечно, это не все роли мужественных людей, сыгранные Олялиным. Можно приводить много примеров, но упомяну еще и о роли Селиванова в фильме «Долг». Возможно, когда-нибудь о каждом фильме будут написаны маленькие главки. Это в идеале, а пока мне хочется закончить эту главу словами Олялина об этих ролях: «Мои герои — люди подвига. Я люблю своих героев, поэтому играю с вдохновением».

Записки не киноактера

15

Как-то в разговоре с писателем **Анатолием Ехаловым** я поведал, что пишу об Олялине книгу. А он и говорит: «Не забудь у моей жены взять интервью. Они в Ленинграде жили в одном общежитии».

Раньше я бывал у Ехаловых дома, но девятого августа состоялся у нас разговор с **Валентиной Николаевной** по телефону. Вот что она рассказала:

«Николай Олялин меня и знать не знал и до сих пор не знает. Я для него тогда была маленькая девочка. Мне было пятнадцать лет, и училась я в издательско-полиграфическом техникуме. В общежитии было три этажа, где жили и мы, учащиеся техникума, и студенты театрального института.

Я училась на первом курсе, а Олялин — на пятом. Это был парень, на которого уже смотрели там как на Бога. Он был в окружении славы и девушек, потому что его считали самым красивым и популярным и ожидали в буду-

щем очень и очень многого. Спусти столько лет, что я могу сказать? Актер он прекрасный. Конечно, Николай Владимирович мог бы и в большем количестве фильмов сняться. И почему их всего лишь полсотни — мне неизвестно. А вот как режиссер фильма «Воля», мне кажется, он не состоялся. Не в обиду ему будет сказано: как бывает в искусстве — не хватило чуть-чуть. С моей точки зрения, в этом фильме слишком сильное любование женщиной, ее ногами. Да и вид у артиста Олялина, а точнее героя фильма, все ж развязный».

О самой Валентине Николаевне я могу сказать, что она приветливая хозяйка и много лет проработала корреспондентом в многотиражке речного пароходства.

16.

В субботу, двадцать четвертого августа, встретился я с бывшим директором одиннадцатой школы **Татьяной Федоровной Медведевой**:

— Когда он учился, то не доставлял неприятностей. Тогда все шло от родителей. Были нарушения, но ребенок не может быть без шалостей. Мальчишкой был спокойным. Правда, по-настоящему я узнала Николая, когда он уже учился в институте. Я жила в том же доме, где сейчас Павлова живет. Николай, приезжая из Ленинграда, мог в любое время зайти. И заходил, хоть и три часа ночи. Вела домашнее хозяйство моя сестра — Евдокия Федоровна Смолина. Она принимала Николая — и накормит его, и напоит. Я только знала, что был, — то есть, не всегда видела. Так, случайно, Николай побывал на свадьбе моей дочери.

Была и памятная встреча бывших учеников на квартире учителя математики Елены Александровны Александровой. Это было второго февраля 1961 года или 60-го — точно не помню. Собралось около 15 человек, в том числе и Николай. Конечно, Коля был в центре внимания. Мы больше слушали его, он читал стихи, анекдоты рассказывал, и причем неприличные. В общем, держал компанию. Мы отдохнули просто замечательно!

Это была последняя такая встреча. В школе Коля был самый активный из выпускников. Став актером, выступал в школе и даже пел. Около него собирались ученики, и бывшие, и настоящие.

Спросишь его, бывало, о жизни — ответит коротко: «Все в порядке». И все. О себе говорить не любит.

— А кто у него лучший друг? — спросил я.

— Самый хороший друг — Виктор Шапкин. С одной улицы. Другья, на мой взгляд, с детства и на всю жизнь.

Многое стало забываться, но многое и помнится. Ну, вот Коля, учась в Ленинграде, чтобы подработать, пошел на базу ночным сторожем.

«Ну, Татьяна Федоровна, я всегда голодный. И заснул. Меня связали, и что надо — унесли», — рассказывал. «А как же ты отчитался?» — спрашиваю.

«А что можно взять у нищего студента?». — «На этом и кончился твой труд?». — «На этом и кончился».

И все это весело так.

Теперь немного о грустном. Мне кажется, Николай не реализовал свои возможности полностью. Есть у него одна черта — слишком прямолинеен. Думаю, из-за этого так».

17.

В сентябре 1996 года побывал я в гостях у брата **Николая Владимировича — Виктора**.

Улицу я нашел быстро, но дом оказался многоэтажным. Во дворе сидело десятка два молодых людей. Я подошел и спросил: «Знаете, в этом доме живет брат киноактера Олялина?».

— Это к нему, — произнесла девушка, указывая на одного из сидящих парней. Оказывается, это племянник Николая Владимировича. Родителей его дома не было. Уехали на дачу.

— Приедут в понедельник, — любезно ответил.

В понедельник я снова был там, только теперь уже знал номер квартиры.

Виктор Владимирович и его супруга встретили приветливо. Сам хозяин очень похож на брата, но выше ростом. А вот голос и юмор — ну, вылитый Николай Владимирович.

Мы сидели и в зале, и потом на кухне. Меня кормили, угощали яблоками. И с собой дали. Виктор Владимирович так их настойчиво предлагал, что нельзя было отказаться.

Я спросил про детские фотографии и вообще посмотреть альбом. Оказалось, что такой альбом есть у мамы.

В гостях я чувствовал себя как у себя дома. Рассказал, что работаю над книгой. Подарил «Профсоюзную газету», в которой были опубликованы две первые главы о Николае — «Красноярский театр юного зрителя» и «Первые роли в кино». Дали мне и киевский домашний адрес моего любимого киноактера.

От Виктора Владимировича я узнал, что он вместе с Николаем тогда уехал в Красноярск. Выл он, Виктор, тогда фактически еще ребенком. Там он учился в техникуме, работал. И его судьба определенное время была общая с братом.

Расскажу своими словами несколько моментов,веденных опять же Виктором Владимировичем.

Начнем с приезда в Красноярск. Хорошо, говорят, пишут в книгах, а представьте, прибыла целая труппа будущего Красноярского театра юного зрителя в поезде, который ехал несколько суток. В труппе и холостяки, и незамужние, и семейные с детьми — в общем, три десятка человек разного статуса. И вот сошли с поезда. Выходной день. И что же? Вы думаете, их кто встречает? Я думал, наивный, встречают. Нет, оказывается.

С неделю жили в помещении Дома культуры, пока не расселили. Братьям дали комнату в общежитии. Вот и жили — сами себе хозяева...

Как познакомился Николай Олялин со своей будущей женой, Виктор Владимирович рассказывать не стал — дело личное.

Каков он—поэт... Олялин?

В 1992 году в Киеве вышла книга стихов Николая Владимировича Олялина. В ней восемьдесят страниц, девяносто пять стихотворений.

Олялин рассказал мне о том, что, когда выступал перед кинозрителями, то частенько читал свои стихи. И вот друзья решили все стихи из стола изъять и издать книгу.

Каков он — поэт Олялин? Поэт или нет? На эти вопросы может ответить время и люди, и не мне отвечать на такие вопросы. Скажу только: в Вологде я выслушал немало негативных мнений о стихах киноактера. И не мудрено. В «сырой» книге не так-то просто увидеть достоинства. Да и имидж киноактера мешает разглядеть человека, пишущего стихи.

А вот что пишет в своем обращении к читателям Олялин:

«Предлагаемый сборник стихов назван «Походя» не случайно. Любовь к поэзии и желание поэзии вероятнее всего и породили мысль о создании этого сборника. Я не пишу стихи — они во мне живут, как истина, которая претендует на право поделиться ею.

Я не открываю ничего нового, но мир воспринимается мною именно так. Чувственное восприятие окружающего диктует мне профессия. В перерывах между съемками, в дорогах, ожидании, встречах с разными людьми выстраивается как бы мозаика, собранная из красивейших и дорогих кусочков моей жизни (Я бы сказал — мизансцен. В. Б.) Мир всякий. Добрый и злой, жестокий и нежный, восторженный и уничижающий. И в нем я, которому всегда чего-то хочется, чего-то не хватает. Неудовлетворенность — вот, наверное, главное состояние, в котором приходится быть в этом мире.

Исповедь — это уникальное состояние души, и только она дает возможность попытаться найти на все ответ. Вера, которой мы пренебрегли, но которая все-таки живет в каждом, вероятно, и есть тот алтарь, пред которым мы преклоняемся.

Прикосновение к вечной теме принесло мне то ощущение исповеди, которое легло в основу стихов. Они могут быть несовершенны, но они искренни и честны. Их можно воспринимать и не воспринимать, как и меня, которого кто-то принимает, а кто-то ненавидит. Но в любом случае мною руководило желание добра и света, любви и нежности, что и привело меня к постижению истины.

К благодарному читателю с уважением АВТОР».

Теперь сами стихи:

Не бегу я в весну за юностью.
Не бегу догонять пропущенных.
Я бегу в деревянную улицу,
Где больной и опять послушный я.

Где деревянные мостики скрипят,
Они грустят о детстве.

Где найдя фонари лунные.
Убегает нежность от грубости.
И глаза от мурашек спутаны,
И не верю, что сны и в губах я.

И деревянные мостики скрипят,
Они грустят о детстве.

Сеновал потерялся мурашками,
И ресницы сплелись проседью.
Я вхожу в твои ладошки: «Ладушка»,
Я пьянею тобой: «Можно ли?»

А деревянные мостики скрипят,
Они грустят о детстве...

Не найти тебя, плачущей осени,
Потеряться в зиме льдышками,
Чтоб опять сумасбродными веснами
Отыскаться с ночами длинными.

Где деревянные мостики скрипят,
И вновь грустят о детстве.

Я промчался все улицы шумные.
Я искал тебя в людях бешенно.
И в ночах не знал устали
Я лечу к тебе с песнями песнею.

Пусть деревянные мостики скрипят,
Они грустят о детстве.

А Одесса была,
Это было в Одессе,
Молдаванка была,
Промелькнула Пересыпь.
Разве только была?
Разве только Одесса?
Ты меня приняла
К Вам, в Одессу повесу.
Я не верил себе,
А надежда — улыбка.
Я не верю теперь.
И большее улыбка.
Как прекрасна весна,
Как прекрасно начало,
Соткан весь из сна
Память скроем в печали.
Глубина и тепло,
Безрассудство и разум,
Вся Одесса о том,
Что нельзя же так разом
Не устал, не боюсь,
Только правда ли это,
Над собою смеюсь!
Это, может быть, эхо?
Это, может быть, прихоть твоя,
Это, может быть, просто случайность,
Я на сцене когда-то играл короля —
Равносильно, бесценны отчаяния.

Я с прежней легкостью тебя
Сегодня вылететь не сумею.
Стою уже у сентября
И многого уже не смею.
И ты не веришь в то, что май
Во мне когда-нибудь воскреснет.
Но только ты не прогоняй,
Быть может, что-то и загрезит.

Пускай сегодня не вчера
Пускай и завтра не сегодня.
Пускай проходят вечера.
Пускай когда-нибудь да годен.
Пускай слова все невпопад.
Пускай поступки как-то странно.
Пускай тоскую наугад.
Пускай, пускай, — мне все желанно.

Примером каждый в каждом чине
Геройство обычно. Тщеславие, спи.
И даже по глупости кто-то погибнет —
Земля тебе пухом и сладкие сны.
Пусть плачут оркестры,
Пусть горы на стене,
Пусть каждый слезу ненароком утрёт.
Пусть в каждой невесте,
Пусть в каждом застолье
За стопкой вина сокровенья вздохнет.

Стихи любого поэта говорят сами за себя. Но если бы пришлось писать о нем статью с разбором стихов, я отметил бы некоторые характерные достоинства поэта. Вот первое стихотворение. Как рефреном в нем идет разноголосица нарочно нерифмованных, как это надо было бы, строк о деревянных мостиках, пружинящая внутренней при этом рифмой, — образ зримый, слышимый. Явная находка. Ею же является и акцентированный переход в одном из стихотворений, хоть в целом и не прописанном вновь, обращения с «Вы» на такое же плотное «Ты»:

...Но были Вы великодушны,
Спасая мой минувший ад,
Верша все это без наград,
Вы были так великодушны.
А ты танцуешь вся в лучах
И ты сама уже лучишься.
А если что-нибудь случится —
Ведь ты танцуешь на лучах».

(«Я вас люблю, и это чудо...» с. 7).

А как здорово звучит вот это:

...Любить до слез, любить, любить!

А плакать я не собираюсь.

И вот опять я тороплюсь.

Слова ищу, слова терзаю,

Себя никак не угадаю...

(«Я начинаю понимать...» с. 8).

Или:

...Пускай тоскую наугад.

Пускай, пускай, — мне все желанно.

(«Пускай сегодня не вчера...» с. 20).

Поэтичны и следующие строки:

...Пускай в каждом застолье

За стопкой вина сокровенье вздохнёт.

(«Примером каждый в каждом чине...» с. 53).

...Но только ты не прогоняй

Быть может что-то и загрезит.

(«Я с прежней легкостью тебя» с. 29).

Примеров множество.

Закончить же главу о поэте Николае Олялине мне хочется четырьмя строками, которые я выучил наизусть в первый же день знакомства с его книгой:

...Ты жутко не понравилась друзьям,

Тебя хулить и хаять попытались.

Я знал одно, что прав Омар Хайям:

Они бесились — им ты не досталась...

Записки не киноактера

18.

Мои жизненные обстоятельства сложились так, что в сентябре я сменил место жительства — уехал на свою малую родину.

Работа над книгой продолжалась в селе. Написал очередную главу под названием «Роли мужественных людей».

19.

Первого октября отправил письмо Олялину в Киев вместе с «Профсоюзной газетой», в которой опубликованы две главы из будущей книги о нем.

20.

Посмотрев по телевизору детектив «Ночной мотоциклист», я понял, что необходимо просмотреть все фильмы, в которых снимался Николай Владимирович, чтобы иметь свое мнение, а не доверяться полностью журнальной критике. Фильм посмотрел — одно, а прочитал о нем — сколько «стрел выпущено» несправедливо! Но, как говорится, об этом потом.

21.

Седьмого ноября читал рассказ «Анафема» Бунина, чтобы знать, что же это за рассказ, который так оценила его учительница.

22.

Одиннадцатого декабря написал письмо вице-мэру города Калининграда Александре Яковлевой, снимавшейся в главной роли фильма моего героя книги.

23.

Следующие строки я пишу 1 января 1997 года. Ровно год назад, в 11 часов утра, я подошел к иконе и помолился перед началом такого дела — написание книги о Николае Владимировиче Олялине.

(Вот и готов ее первый вариант. В 21 час 25 минут я вновь сегодня подошел к этой же самой иконе и поблагодарил Господа за то, что написалось. Теперь мечтаю через год—два вернуться к этой книге и накопленный материал добавить во второе издание. А пока —
конец первого издания.

Из списка наименований фильмов, в которых снимался Николай Владимирович Олялин:

- «Дни лётные».
- «Освобождение» (пять серий).
- «Секундомер».
- «Джентльмены удачи».
- «Дерзость».
- «Длинная дорога в короткий день».
- «Ночной мотоциклист».
- «Океан».
- «Ливень».
- «Пропавшая экспедиция»
(две серии).
- «Золотая речка».
- «Бешеное золото».
- «Жаркое лето в Кабуле».
- «Берега в тумане» (две серии).
- «В одну единственную жизнь».
- «Белый шаман» (три серии).
- «Истоки».
- «Долг».
- «Обратной дороги нет».
- «Бег».
- «Иду к тебе».
- «Завещание».
- «Легенда о княгине Ольге».
- «Шел четвертый год войны».
- «Мировой парень».
- «Россия молодая» (девять серий).
- «Две версии одного столкновения».
- «Теплая мозаика лета и чуть-чуть».
- «Влипла».
- «Дума о Британке».
- «Неотстреленная музыка».
- «Воля».

ЛИТЕРАТУРА

Кибардина А. «Актер-земляк — в зале киноактера» («Красный Север», 1966, 22 июля).

Марков С. «Огненная дуга». («Советский экран», 1968, № 4, с. 1).

Цитриняк Г. «Направление главного удара». («Искусство кино», 1970, № 5, с. 7—19).

Чечнева М. «Правда о войне». («Советский экран», 1970, № 9, с. 2—5).

Катинов В. «Достойное завершение». («Советский экран», 1971, № 21, с. 3—4).

Олялин Н. «Профессия актер». («Искусство кино», 1973, № 8, с. 134—136).

Никоненко С. «Тема продолжается». («Искусство кино», 1975, № 1, с. 5—8).

Данилов Н. «Радость встречи с кино». («Сокольская правда», 1976, 26 октября).

Соколова И. «Николай Олялин».

Актеры советского кино, выпуск № 15. («Искусство», М., 1979, с. 168—188).

Фиалко О. «Надежность». («Советская культура», 1983, 22 сентября).

Паншев Л. «Все герои в сердце моем». («Красный Север», 1984, 16 сентября).

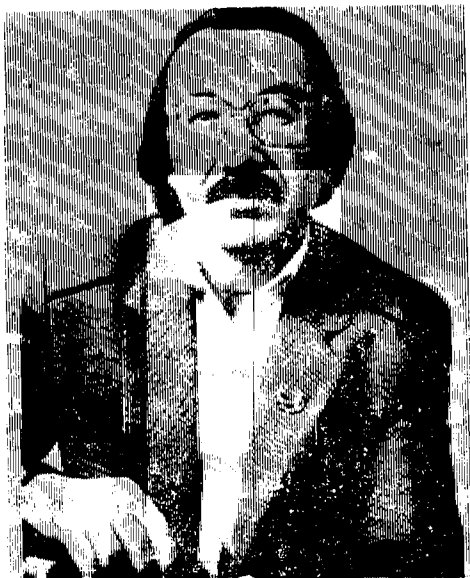
Кавин Н., Семенюта И. «Театр, о котором мы мечтаем». («Красноярский комсомолец», 1984, 11 декабря).

Олялин Н. «Походя». Книга стихов. (Киев, 1992).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Из интервью Вологодскому областному радио	3
Красноярский театр юного зрителя.....	4
Записки не киноактера.....	6
Первые роли в кино.....	8
Записки не киноактера.....	10
Фильм «Освобождение» — звездный час Николая Олялина	16
Записки не киноактера.....	22
Творчество актера — это популярность, удача, успех и судьба	26
Записки не киноактера.....	27
Роли мужественных людей	29
Записки не киноактера.....	31
Каков он — поэт... Олялин?.....	34
Записки не киноактера.....	38
Из списка наименований фильмов, в которых снимался Николай Владимирович Олялин	40
Литература	41

Об авторе.

Владимир Васильевич Бабенко родился в 1952 году в селе Томузловское Буденновского района Ставропольского края. Служил в Советской Армии. Закончил Александровский зооветеринарный техникум и биологический факультет Вологодского педагогического института. Двадцать лет жил в Вологде. Работал в районных газетах, Вологодском комитете телерадиовещания, начальником отдела кадров троллейбусного управления, ветеринарным врачом мясокомбината. Участник двух областных литературных семинаров (1985 и 1993 гг.), Всероссийского совещания молодых писателей (Ярославль, 1996). Занимался в литературных объединениях при газете «Вологодский комсомолец» (поэт Виктор Коротаев) и «Ступени» (прозаик Галина Щекина). Автор ряда книг, вышедших в Вологде — стихов: «На разных станциях» (1992), «Стансы» (1994), «Тебе» — в соавторстве с Татьяной Корниловой (1998) и прозы: «Эх мужики!..» (1992), «Без тебя» (1997). Один из составителей литературного альманаха «Восхождение» (Санкт-Петербург, Рубцовский центр, 1996—№ 2), посвященного Н. В. Дружининскому (1948—1993), живет в селе Томузловском — на Ставрополье.

Фото Леонида Васильевича СТАРЦОВА.